

МЭГГИ ЭНН МАРТИН

ЕСЛИ

ЧЕСТНО

18+

Что важнее —
нравится другим
или нравится себе?

Мэгги Энн Мартин

Если честно

Серия «Молодежный роман»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44781223
Мэгги Энн Мартин Если честно:
ISBN 978-5-17-114126-4

Аннотация

Когда ее старшая сестра уезжает в колледж, Саванна с трудом может представить, как теперь она будет ладить со своей мамой – после участия в телешоу «Сбрось вес» та помешалась на изнурительном спорте и диетах и постоянно намекает дочери, что ей не помешало бы похудеть. Парни тоже не обращают на девушку внимания, но это не волнует Саванну, ведь ей комфортно в своем теле и она не собирается его менять ради прихотей других людей. И когда в ее жизни появляется Джордж – двоюродный брат ее подруги и новый одноклассник, она уверена, что их дружба никогда не сможет перерасти во что-то большее. Потому что крутые парни не влюбляются в полненьких девушек. Или же влюбляются?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Мэгги Энн Мартин

Если честно

Maggie Ann Martin
TO BE HONEST

Печатается с разрешения издательства Feiwel & Friends, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «Молодежный роман»

© 2018 by Maggie Ann Martin

© О. Городецкая, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

В оформлении использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

* * *

Глава 1

Я в жизни не видела такого количества зигзагов в интерьере. Мы медленно распаковывали вещи сестры в ее маленькой обшарпанной комнате в студенческом общежитии, и я поймала себя на мысли о том, что не могу себе представить, как здесь можно создать домашний уют. В нынешнем виде она напоминала мне чуть улучшенную тюремную камеру с потрепанными кроватями-чердаками и отдельно стоящей в углу раковиной. Бетонный пол окончательно сводил на нет попытки сестры придать комнате хоть какой-то лоск. Похоже, в общежитии начали замену напольных покрытий, но то ли закончились деньги, то ли до комнаты Эшли в этом году просто не успели дойти. Повезло Эш!

Я помогла сестре застелить кровать (надо сказать, та еще задача), и мы захихикали, когда угол натяжной простыни сорвался с матраса и щелкнул ее резинкой по носу. Слава богу за эти моменты, когда мы могли посмеяться и забыть о том, что должно было произойти через несколько часов. Забыть, что впервые за семнадцать лет мне придется жить одной, без сестры – моего лучшего друга.

Сколько бы раз Эшли ни пыталась заговорить о своем отъезде этим летом, я всегда отворачивалась и затыкала уши. Для меня это было невыносимо, и я предложила отложить все грустные и сентиментальные разговоры на последний

момент. А уж в откладывании на потом я профессионал. Особенно если это касается чувств.

– Девочки, вы же постелили защиту от клопов между матрасом и простынями? – спросила мама, сверяясь с длинным списком, который она распечатала с одного из своих любимых «мамочкиных» блогов.

– Ни один клоп не проберется в эту крепость, – сказала я, хлопнув по кровати. От этого хлопка с матраса соскочил другой конец простыни, и Эшли бросила на меня мрачный взгляд.

– Я же говорила, что надо брать простыни побольше, – сказала мама.

– Это напрасная трата денег. У нас полно нормальных одностельных простыней, – сказала Эшли.

Она – сама практичность, и ее мозг всегда ищет способы как сэкономить, в то время как мозг мамы – как потратить. Особенно очевидно это стало в последние два года, после развода мамы с папой, когда Эшли пришлось стать голосом разума в нашем доме.

– В списке написано экстрадлинные, – пробормотала мама.

Снова натянув простыню на матрас, Эшли хмыкнула, и мы обе слезли с кровати вниз. Я предложила помочь обмотать мерцающую гирлянду вокруг основания кровати, пока сестра с мамой, объединив усилия, устанавливали мини-холодильник.

Кто бы мог подумать, что холодильники бывают бирюзового цвета, да еще и с коралловыми цветами? Только Эшли была способна взять старый разбитый холодильник нашей двоюродной сестры и превратить его во что-то прекрасное. Но, в конце концов, она же поступала в школу кинематографии и творческий подход был неотъемлемой частью ее натуры.

Пока сестра и мама обменивались едкими замечаниями, пытаясь найти удлинитель, чтобы поставить холодильник в идеальное по фэн-шуй место, я распаковала фотографии, которые Эшли взяла с собой. На одной из них мы с ней в летнем лагере в тот год, когда нас наконец поселили в одном домике. Нам обеим в том году пришлось спать вместе на нижнем уровне двухъярусной кровати, потому что Эшли боялась высоты, а я частенько падала с кровати. Если честно, я и не возражала. Это действует на удивление успокаивающе – чувствовать, что твоя сестра рядом.

На следующей фотографии была наша собака, точнее, ее собака Фиеро. Пес получил свое имя в то время, когда Эшли была помешана на мюзикле «Злая». Все в нашей семье вращалось вокруг «Злой» в течение всего восьмого класса Эшли.

Щенок пуделя на фотографии походил на маленького плюшевого медвежонка. С тех пор Фиеро превратился в двадцатитрехкилограммового хулигана, отличающегося особой страстью к поеданию косметики. Не сосчитать, скольких тю-

биков помады я лишилась благодаря этому монстру.

На последней фотографии были Эшли, отец и я. Мы ездили в Голливуд на экскурсию по студии Universal, потому что как раз тогда Эшли заразилась идеей кино. Ей было, пожалуй, около двенадцати, а мне, соответственно, одиннадцать. На фотографии мы позировали на фоне городка Старз Холлоу из сериала «Девочки Гилмор» и смеялись как сумасшедшие. Скорее всего, отец симитировал пукающий звук прямо перед тем, как мы досчитали до трех, и мы не смогли сдержать смех. По другую сторону камеры я могла представить недовольное лицо матери. Она всегда отказывалась фотографироваться.

Мы продолжали работать в гнетущей тишине и тянуть время, тратя на несколько мгновений больше, чем необходимо, на каждую задачу. Стоило признать, что все закончено, и это означало бы, что пора уходить. Не думаю, что у мамы в ее бесконечном списке обязанностей по въезду в общежитие было включено прощание. Сколько бы блогов она ни прочитала, сколько бы заметок ни выписала, ничто не смогло бы подготовить нас к прощанию.

– Так когда приезжает твоя соседка? – спросила я.

Эшли захлопала в ладоши, когда холодильник ожил и заурчал, и повернулась, забирая фотографию с Universal из моих рук.

– Думаю, сегодня после обеда. Она живет в Кентукки, так что ей предстоит неблизкая дорога.

– Кентукки? Они там все едят жареным, да? Будь осторожна, а то потеряешь здесь все свои здоровые привычки, – сказала мама.

– Не думаю, что правильно обобщать пищевые привычки целой группы людей на основании названия сети фастфуда, в котором упоминается их штат, – сказала я.

– Мой метаболизм не изменился за последние восемнадцать лет. Со мной все будет в порядке, мам, – сказала Эшли. Я всегда завидовала тому, как легко она умела отделаться от мамы. Еще бы! Всю свою жизнь Эшли была высокой и стройной, тогда как я унаследовала совершенно иной тип фигуры.

Мама подняла палец, что всегда служило знаком начала спора, но тут же опустила руку, словно вспомнив, что мы здесь для того, чтобы оставить ее старшую дочь на первый год в колледже и сейчас не время для ссор.

– И она привезет диван? – спросила она вместо этого.

– Насколько я понимаю, она отложила диван в одном из магазинов Target поблизости, чтобы не тащить его с собой. Не волнуйся, она мне прислала варианты, и мы выбрали такой, который понравился нам обоим, – сказала Эшли.

– Потому что ни в чем нельзя полагаться на волю случая, – поддразнила ее я.

– Нет ничего плохого в том, чтобы знать, что тебе нравится, – ответила она. – К тому же первый выбранный ею диван оказался слишком дорогой. Так что я вообще сэкономила ей кучу денег.

– Я обязательно позвоню тебе, если мне когда-нибудь понадобится диван.

– Глупышка, ты просто воспользуешься моим.

Я вздохнула, подкручивая одну из лампочек гирлянды, горевшую не совсем ровно:

– Я просто пошутила.

– О да, конечно, – сказала Эшли, потирая голову. – Прости, я сама не своя сегодня. Мой шутокметр сломался.

– Это временно, – успокоила я, – он снова заработает, как только ты обустроишься и начнешь чувствовать себя комфортно.

– Если это когда-нибудь вообще произойдет, – сказала сестра. Она наконец перестала носиться, расставляя вещи, и окинула комнату взглядом. Ее дыхание сделалось прерывистым, и я видела, как бегают ее глаза. У меня сердце сжалось, когда я увидела ее в таком состоянии, охваченную бурей эмоций. Мы часто шутили, что мы близнецы, родившиеся с промежутком в двенадцать месяцев, и всегда на одной волне друг с другом в большей степени, чем обычно свойственно сестрам. К сожалению, и эти месяцы разницы в дате рождения лишили нас телепатии и одинаковой внешности. Внешне мы полная противоположность друг друга. Эшли высокая, худощавая, с пепельно-русыми волосами, а я невысокая и пухленькая, с волосами настолько светлыми, что они кажутся почти белыми. Пожалуй, единственное, что унаследовали в равной степени мы обе, – это плохое зрение. Мы

практически можем носить линзы друг друга.

Я притянула ее к себе, заключив в успокаивающие (и удобные) объятия. Наше телосложение идеально подходило для объятий.

– Конечно, произойдет, солнышко, – сказала мама, обняв нас обеих. Она прижалась щекой к моей макушке и надолго замерла. И тут Эшли пришлось выучить первый урок жизни в общежитии: если не хочешь, чтобы тебя беспокоили люди, врывающиеся к тебе в комнату, держи свою дверь закрытой... а еще лучше – запри ее для верности на замок.

– Ой, извините, – сказала девушка у двери. Ее волосы были собраны в небрежный пучок, съехавший на одну сторону. – Я просто хотела спросить, нет ли у вас лишнего скотча, который я могла бы одолжить. Шнур от моей микроволновки поизносился. Только не говорите старосте общежития, потому что, возможно, это нарушение правил пожарной безопасности, а у меня сейчас точно нет ни времени, ни денег, чтобы покупать новую микроволновку. Так, что-то я лишнего наговорила. Привет. Меня зовут Яэль.

– Привет, – сказала Эшли, высвобождаясь из объятий. – А я Эшли. Это моя младшая сестра Саванна и моя мама.

– Ким, – вставила мама.

– Приятно со всеми вами познакомиться, – ответила Яэль, постукивая пальцами по дверному косяку, как будто ожидая чего-то, пока мы все трое разглядывали ее. Я на секунду повернулась к Эшли и попыталась телепатировать ей мысль о

том, чтобы она достала эту клятую ленту, но она не уловила моего призыва.

– Эш, у тебя вроде есть скотч в верхнем ящике? – спросила я, милосердно избавляя всех от страданий из-за неловкой паузы.

– А, да. Есть, – ответила сестра, выходя из ступора. Она достала скотч и положила его в открытую ладонь Яэль.

– Ты реально спасла мне жизнь. До скорого, Эшли, – сказала та, просяив.

Эшли смотрела, как Яэль припустила по коридору, до тех пор, пока я не закашляла, чтобы привлечь ее внимание. Она резко развернулась и быстро продолжила распаковывать одежду. Я улыбнулась про себя. Знаю, Яэль показала ей милой.

– Ну, вы двое, помогать собираетесь? – спросила все еще слегка покрасневшая Эшли.

– Мы полностью в твоём распоряжении, – отозвалась мама, – я начну складывать свитеры. Савви, не могла бы ты положить в ящик носки и белье? Показать тебе еще раз, как я складываю носки?

– У меня все под контролем, – ответила я.

Мы продолжили работать молча, пока не разложили-развесили аккуратно всю одежду Эшли в шкаф или ящики.

Мы уже по крайней мере три раза переставили с места на место те немногие безделушки, что Эшли позволила себе привезти в общежитие, и обсудили варианты перестанов-

ки холодильника на другую сторону комнаты. По сути, нам больше нечего было делать в этой комнате, а это означало приближение ужасного момента болезненного прощания.

– Ну, вот и все, – сказала сестра.

– Похоже, что да, – согласилась мама. – Боже, я рада, что они включили в список обязательных вещей водостойкую тушь для ресниц.

Мама притянула Эшли к себе и крепко обняла. Ее голова едва доставала дочери до ключиц. Эшли наклонилась, поцеловала маму в щеку и отстранилась, вытирая предательскую слезу.

– Я люблю тебя, цыпленок, – сказала мама, – думаю, мне лучше выйти из комнаты, пока я окончательно не расклеилась. Савви, я подожду тебя снаружи, хорошо?

Я кивнула, чувствуя, что комок в горле не дает мне вдохнуть. Как только мама вышла из комнаты, сила воли оставила нас с Эшли и мы крепко обнялись, сотрясаясь от рыданий. Мы никогда не расставались дольше чем на неделю, когда Эшли летом ездила в кинематографический лагерь несколько лет подряд. И даже те недели давались нам тяжело. Я не могла себе представить, каково это будет не видеться месяцами.

– Мы будем постоянно созваниваться по скайпу, – сказала Эшли, – и, как обычно, писать друг другу сообщения в течение дня. Изменится лишь то, что мы больше не будем находиться в одной и той же комнате.

– Это должно меня утешить? – спросила я.

– Я знаю, вы с мамой не очень ладите последнее время. Относись к ней помягче, хорошо? За последний год у нее в жизни произошли огромные перемены, и она приспосабливается к ним. Я буду приезжать домой так часто, как только смогу, но я больше не буду буфером между вами. Расставь приоритеты, на что тратить свои силы, Савви. Хорошо? – сказала она.

Я кивнула.

– Постараюсь исправиться.

Сестра обхватила меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза.

– Ты сильнее, чем тебе кажется. Никогда не забывай этого, как бы ни было тяжело. И потом, я же не на другом краю страны. Между нами всего несколько часов пути, если я тебе когда-нибудь понадобится.

Я снова кивнула, спрятавшись в ее объятиях в последний раз. Когда мы отстранились друг от друга, я почувствовала окончательность происходящего. Как будто от меня отрезали часть и я оставляю ее позади. Как Золушка свою туфельку, но только с так и оставшейся в этой туфельке ногой. Я решила, что, как и мама, если обернусь, никогда не смогу уйти, поэтому быстро вышла за дверь и закрыла ее за собой. Я взяла маму за руку, и мы пошли по коридору, потом вниз по лестнице к машине, сев в которую проплакали добрых пятнадцать минут, прежде чем двинуться в обратный путь.

Глава 2

Прошло ровно два дня, тринадцать часов и тридцать четыре минуты с тех пор, как мы оставили Эшли в штате Индиана, и мне не терпелось выбраться прочь из дома – подальше от неустанного внимания мамы. Мы наготовили и заморозили здоровой еды на месяц вперед, и если мне придется нарезать хотя бы еще одну морковку или сварить еще одну кастрюлю риса, я точно заору.

Слава богу, я заранее договорилась встретиться с моей лучшей подругой Грэйс и пойти с ее семьей на пикник в парке. Каждый год в этот день члены семьи Морено со всего Среднего Запада собирались, чтобы всем вместе весело провести время (и заодно посоперничать). Я поехала в основном потому, что это был шанс увидеть двоюродного брата Грэйс Матео... ну, и потусить с ней самой, конечно.

Фиеро, пудель-монстр, положил морду на мою кровать и глухо зарычал, напоминая, что пришло время вставать и играть с ним. Я со стоном перекатилась на край кровати и сжала его мохнатую морду в ладонях.

– Теперь, когда Эшли уехала, тебе не осталось ничего кроме как лезть ко мне, а? – спросила я.

Фиеро склонил голову набок, как будто пытаюсь понять меня. Его язык, который всегда казался великоватым для его пасти, вывалился на сторону, и я рассмеялась хриплым

утренним смехом.

– Тебе повезло, что ты симпатичный, – сказала я, вставая, и Фиеро принялся в волнении прыгать по комнате, а затем понесся по коридору и вниз по лестнице. К своему удивлению, я услышала внизу крик мамы: «Фиеро!» Обычно в выходные она спит до полудня, но сегодня уже встала и делала растяжку в гостиной. Она сгибала руки за спиной под странными углами под нежные напевы Леди Гаги – мамину музыку для тренировок.

– Не хочешь присоединиться к нам с Фиеро на утренней пробежке? – спросила она, не оборачиваясь. Моя попытка прокрасться на цыпочках мимо явно не удалась.

– Звучит, конечно, заманчиво... – начала было я.

– Первый шаг к здоровой жизни – это научиться брать на себя обязательства, – отчеканила мама. В уме я вела учет всем мотивирующим мантрам, которые она твердила мне целыми днями. Эту она повторяла дважды в день.

– Очевидно, свои проблемы с обязательствами я унаследовала от отца, – сказала я.

И тут же пожалела. Мы старались не говорить о предательстве отца, который на втором году моей учебы в старшей школе изменил матери с одной из ее подруг. Должно ли слово «подруга» стоять в таком случае в кавычках? Да. Мамина «подруга» спала с моим отцом где-то около года, прежде чем он спалился, оставив телефон с открытыми сообщениями заряжаться на кухонном столе, где тот и попался на гла-

за наивной второкурснице, то есть мне. Секстинг взрослых – это отвратительно.

– О, Саванна, – сказала мама, покачав головой и прочно уперев руки в бока. Она всегда принимала эту позу, когда хотела показать, насколько сильно огорчена.

– Извини, мама, мне пора идти к Грэйс. У них сегодня ежегодное семейное собрание. Хм, хочешь присоединиться?

Она покачала головой.

– Нет, спасибо, солнышко. Я сегодня пойду в спортзал. Желаю тебе хорошо провести время. Передавай спасибо Марии.

В ее ответе мне послышалась нотка осуждения, будто она хотела сказать, что я развлекаюсь, в то время как она совершенствует свой разум, тело и дух в спортзале. Большая часть того, что она говорила последнее время, звучала как упрек мне.

– Обязательно. Увидимся вечером, – сказала я и направилась на кухню.

– Может, прежде чем уйти, разогреешь одно из наших замороженных блюд? Тебе лучше избегать всех этих излишних углеводов, которые обычно содержатся в жареной еде, особенно булочек для бургеров.

Я густо покраснела, что случалось каждый раз при ее попытках ограничить меня в еде, но вспомнила просьбу Эшли сохранять мир в доме в ее отсутствие и подавила поднявшийся внутри меня гнев.

– Я обязательно разогрею его перед уходом, мам, – соврала я. – И тебе тоже хорошо позаниматься в зале.

Обычно по воскресеньям Эшли вставала пораньше, чтобы приготовить завтрак – испечь секретные блинчики с беконом – до того как мама проснется и расскажет нам, сколько калорий мы употребили на завтрак. Мы лениво располагались на диване и смотрели сериал, на который подсели в тот момент, до тех пор, пока в полдень не просыпалась мама. Может быть, она сегодня проснулась раньше, чтобы я не чувствовала себя так одиноко? И хотя при этой мысли мне стало немного лучше, огромная дыра в нашей семейной атмосфере все же увеличилась в два раза.

Я прислушалась к ровному ритму маминых шагов во время упражнений на разогрев. За последний год я привыкла к этому звуку. После развода с отцом мама попала в замкнутый круг сожалений. Она готова была поменять в своей жизни все что угодно, лишь бы выбраться из колеи, в которой оказалась за все эти годы с отцом. Однажды вечером она увидела приглашение на кастинг для телешоу о похудении «Сбрось вес» и каким-то образом уговорила Эшли помочь ей сделать видеозапись. Подозревая, что из этого ничего не выйдет, но желая хоть как-то помочь маме почувствовать себя немного счастливее, Эшли согласилась.

Примерно через месяц, в День матери, маме позвонили и сообщили, что ей нужно лететь в Лос-Анджелес на кинопробы с другими потенциальными участниками шоу. Еще две

недели спустя она укладывала чемодан для поездки в Лос-Анджелес, а мы паковали сумки для того, чтобы остаться с отцом и Шерри на следующие два месяца.

Каждую среду вечером мы сидели перед телевизором и наблюдали, как женщина, которая когда-то была нашей матерью, борется с другими конкурсантами, блюет перед камерой и сбрасывает нездоровое количество килограммов за каких-то несколько коротких месяцев. Она нахваливала женщину, которая орала на нее, отдавая приказы, заставляла заниматься до изнеможения и наносила ей психологический урон, который мама отказывалась замечать. Вполне резонно, что участникам этих шоу не разрешается общаться с родственниками во время съемок. Любой член семьи стал бы убеждать их немедленно сбежать из этого места.

Теперь, после усиленных занятий и пластической хирургии по удалению лишней кожи, мама жила в новом, более стройном теле. Я понимала, что это та же самая женщина, могла узнать ее голос, глаза, но все остальное в ней изменилось. Она была полностью поглощена подсчетом калорий, выполняла задания по списку и твердила мантры, внушенные ей в «Сбрось вес». Она заикливалась на любой мелочи, которая попадала в рот, притом не только ей, но и мне.

Я прокралась обратно вверх по лестнице, пока мама делала упражнения для рук под Applause. За окном висел зной – семья Морено всегда умудрялась проводить свое семейное собрание в самый жаркий день года.

Желто-синий купальник в горошек плотно облепил мои бедра, и я тут же пожалела, что решила не покупать в этом году новый. Ошибкой было думать, что если я умудрялась влезать в один и тот же в течение трех лет, то что могло бы измениться в этом году? Ах, да все. Я набросила футболку из Adventure World и сунула ноги в любимые шлепанцы, которые уже почти разваливались. Ничто не может сравниться с хорошей парой по-настоящему разношенных шлепанцев.

Когда я снова спустилась вниз, мама с Фиеро уже ушла на пробежку. Я схватила ключи от своей «новой» унаследованной машины. У Эшли была хватка в отношениях с Нормой (совершенно нормальное имя для «Ниссана»), а я просто ненавидела водить. К счастью, аквапарк «Сэндкасл» всего в нескольких минутах езды, и если я смогу добраться туда, собрав всего лишь несколько ям по дороге, то буду считать эту поездку успешной.

После того как я особенно неудачно задела бордюр, оказался, наконец, аквапарк. Уже паркуясь в квартале от него, я слышала, как миссис Морено приветствует каждого прибывающего. У нее было огромное сердце и очень громкий голос. Я однажды сказала, что если бы могла взять с собой только кого-то одного на необитаемый остров, я взяла бы миссис Морено, потому что она умела успокоить меня, приготовить офигенную еду и использовать свой громкий голос для того, чтобы издали обнаружить цивилизацию.

– Саванна, Саванна, сюда! Саванна! – позвала она меня с

другой стороны улицы. Я застенчиво помахала рукой, когда вся огромная семья Грэйс повернулась посмотреть на меня.

– Здравствуйте, миссис М! – прокричала я в ответ и увидела свою лучшую подругу, бегущую мне навстречу. Она крепко обняла меня, вышибив воздух из моих легких в своей типичной манере, затем отстранилась, придержала меня за плечи и осмотрела сверху донизу.

– Как у тебя дела? И не ври, – укоризненно добавила она, подняв палец.

Я вздохнула.

– Бывало и лучше, но мы здесь собрались не для того, чтобы меня жалеть, мы здесь для веселья.

– Я записала нас на трехногие гонки, – сказала она и втянула голову в плечи, ожидая моей реакции.

– Ты... что сделала? – переспросила я, хотя отлично слышала ее слова. Я прекрасно знала: Грэйс в курсе, что я отказывалась участвовать в этом соревновании с третьего класса, когда увидела, как во время трехногой гонки с Коди Грантом сломал ногу Эндрю Адамс.

– Ты не можешь позволить духу сломанной в прошлом ноги Эндрю преследовать тебя всю жизнь. Это единственное соревнование, в котором я ни разу не выиграла. Ну же, это наш год! Я даже организую тебе разговор с Матео, если это поможет подсластить дело, – добавила она, двигая бровями.

– Мне ужасно неудобно чувствовать, что ты пытаешься подкупить меня, пользуясь моим романтическим интересом

к члену твоей семьи.

– Тебя бы это нисколько не смутило, если бы тут не была замешана трехногая гонка! Что еще ты хочешь? Я готова на все, – сказала Грэйс. Когда в Грэйс просыпался дух соперничества, стоять у нее на пути оказывалось небезопасно. Она была готова даже на подкуп, если это означало, что у нее появится шанс на победу.

– Стирать за меня весь следующий месяц, – предложила я.

– Ты знаешь, как я ненавижу стирку, – ответила она.

– Как хочешь, Морено.

Она протянула мне руку для рукопожатия, чтобы закрепить сделку.

– Договорились.

После того как мы пожали друг другу руки, Грэйс повела меня на экскурсию по достопримечательностям пикника семьи Морено в этом году.

Первой была игра по броскам мешков с кукурузой в цели-отверстия, проделанные в приподнятых платформах на другом конце поля. Рядом располагались водная горка и площадка для перетягивания каната. Одним из новых экспонатов оказалась шахматная доска в натуральную величину для игры в волшебные шахматы – это была идея Лео, младшего брата Грэйс. Наконец-то мне пригодятся все эти уроки шахматной игры и походы в шахматный клуб, куда много лет назад нас с Эшли отправлял отец. Я как нечего делать обставлю всех в эти волшебные шахматы.

Разглядывая водную горку, я увидела парня – нет, мужчину с роскошными вьющимися черными волосами и улыбкой, которая могла бы растопить сердце самой Снежной Королевы. При виде Матео в моей голове сама собой начинала звучать песня Адель «I Believe in a Thing Called Love» с того первого раза, как нас познакомили в нежном десятилетнем возрасте. Мы сошлись на почве игрушек Silly Bandz, и это была, можно сказать, любовь с первого взгляда. По крайней мере с моей стороны. Я прекрасно осознавала, что такие секс-боги, как Матео Морено, дважды не посмотрят на девушек вроде меня.

– Это просто неприлично пожирать глазами моего двоюродного брата, пока он тусуется у водной горки, – засмеялась Грэйс, толкая меня в бок локтем.

– Я вообще-то пожираю глазами водную горку. Это там дополнительные десять футов в конце? Миссис М выложились по полной, – сказала я.

– Ну да, конечно, – ехидно поддакнула подруга, закатывая глаза.

Миссис М позвала всех к столу для пикника, чтобы напомним правила дня. Мухлевать недопустимо, а бабушка Розалина будет официальным судьей. Когда я посмотрела на нее, она пальцами сделала знак «я присматриваю за тобой». Бабушка Розалина явно не забыла тот год, когда я врезалась в соперников во время соревнования по бегу в мешках. Второе правило гласило, что надо найти напарника на этот день.

Категорически запрещалось подставлять своего напарника во время соревнований один на один ради дополнительных очков, иначе вас дисквалифицируют. Можно было подумать, что нас снимает ESPN¹, настолько серьезно выглядели правила.

– А теперь выбирайте своих напарников, – закричала миссис М.

Все стремительно побежали к тем, кого предпочитали за-получить в напарники, практически отталкивая других людей со своего пути, чтобы попасть туда, куда хотели. Мы с Грэйс моментально сцепили руки в технике, отработанной в школе, когда приходилось выбирать напарников. Невозможно описать чувство полного смятения, когда учитель объявляет, что нужно найти напарника. В такой момент нет ничего лучше, чем встретиться взглядом со своим напарником на другом конце комнаты и тем самым подтвердить вашу связь.

– В этом году у нас более интересный подход, – объявила миссис М. Снова сосущее чувство под ложечкой, о котором я только что говорила? Да, только умножьте его на тысячу.

– Вам нужно найти нового напарника. Все годами выбирают одних и тех же людей, это становится немного несправедливо. Я смотрю на вас, Роберто и Луис. Итак: на старт, внимание, ищите нового партнера!

– Ты знала об этом? – прошипела я Грэйс.

– Нет, понятия не имела, – ответила Грэйс.

¹ Американский телевизионный спортивный канал.

Мы обе начали лихорадочно озираться по сторонам в поисках нового варианта. Я чувствовала себя так, будто участвую в «Голодных играх». Или что меня никто не выберет, как на уроках физкультуры. Думаю, оба сценария выглядят одинаково пугающе. Каждый находил себе напарника, участники поворачивались друг к другу как в замедленной съемке. Я покрутила головой, и мой взгляд упал на Матео на другом краю парка. Он уже поднимал руку, чтобы помахать мне – общепринятый во всей вселенной знак для напарников, – но тут Лео схватил его за руку и объявил своим партнером. Черт побери, Лео, теперь я точно должна обыграть тебя в волшебные шахматы!

– Кто остался? – прокричала миссис М от стола для пикника. Все начали оглядываться вокруг и друг на друга. Не может быть! То есть без пары осталась только я?

– Я совсем одна, миссис М, – сказала я, чем заслужила несколько сочувственных смешков из толпы. На какое-то время все затихли, а потом из задних рядов заговорил еще один человек.

– Я тоже совсем один, – произнес незнакомый мужской голос. Мужчина вышел из-за группы людей туда, где я могла его видеть. Он не походил ни на кого из семейства Морено – очень высокий соломенный блондин с рыжиной. Он был по меньшей мере вдвое выше бабушки Розалины и пребывал как раз в том возрасте юношеской неуклюжести, когда у парней еще нет ярко выраженной мускулатуры, но они уже

явно выросли из мальчишеских тел.

– Отлично! Саванна, ты будешь с Джорджем. Внимание, пора начинать бросать яйца! Мы пойдем группами по пять человек. Всем перейти на другую сторону парка, чтобы мы могли начать, – распоряжалась миссис М.

Когда все стали перемещаться на другую сторону парка, я пошла в противоположном направлении, чтобы встретиться с Джорджем. Мои ладони начали потеть, а сердце затрепетало в груди, как всегда, когда я встречаю новых людей. Дело усугублялось еще и тем, что Джордж был обладателем исключительно мечтательных карих глаз, в уголках которых при улыбке собирались морщинки. Интересно, как меня характеризовало то, что меня влекло к членам семейства лучшей подруги?

– Привет, – сказала я, помахав рукой. – Я Саванна.

– Джордж, – сказал он, протягивая мне руку. Мне стало немного легче от того, что его рука тоже дрожала.

– А ты друг семьи? – спросила я.

Я ничего особого не имела в виду, так как я сама, разумеется, подпадала под категорию друга семьи, но его лицо вытянулось.

– Знаю, я не похож на колумбийца, но я Морено.

– Ой! Ой, блин... Нет, это не то, что я имела в виду. Серьезно, я просто никогда не видела тебя раньше и, честно, не знала... – забормотала я. Мне захотелось саму себя пнуть за бесцеремонность.

– Я хотел сказать, технически я не Морено. Ну, то есть моя фамилия Смит, что противоречит всему только что сказанному. Моя мама из Колумбии, а отец очень даже ирландец. Потому и волосы такие, – сказал он.

– О, круто. В общем, я Саванна Алверсон с ужасно скучным культурным происхождением. У отца в семье, по-моему, сильные норвежские корни, но я точно не уверена, – сказала я.

Мы дали друг другу несколько секунд для усвоения «культурной» информации, которой только что поделились, прежде чем снова раздался голос миссис М.

– Мы уже почти начинаем! Саванна! Джордж! Двигайте сюда! – сказала она.

Это был знак нам присоединяться к остальным участникам.

Каждый год бросание яйца было для меня кульминационным событием. Я довела технику до совершенства – как ловить яйцо, чуть пружиня ладонью, как выстроить идеальную траекторию для броска напарнику, чтобы он мог поймать яйцо безо всяких проблем. Пока мы шли к членам семьи Джорджа, я старалась максимально быстро передать ему секреты своей техники.

– Понимаешь, мне нужно поддерживать репутацию, – сказала я. – Я получала звание мастера по бросанию яиц три предыдущих года. И не готова потерять его сегодня.

– Научи меня, – сказал Джордж, улыбнувшись уголком

рта.

– Секрет в том, чтобы представить, куда полетит яйцо, еще до того как оно покинет твою руку. Я считаю, что позитивный настрой может творить чудеса. Если ты представишь, что оно мягко приземлится в руку твоему напарнику, оно так и сделает, – объяснила я.

– Хорошо, мистер Мияги².

Я взяла яйцо из рук миссис М, и мы с Джорджем сошлись на середине площадки с членами других команд. Миссис М приказала каждому отступить на четыре шага от своего напарника для того, чтобы начать игру. Краем глаза я заметила роскошную волну волос Матео и повернулась, чтобы бросить на него последний взгляд, перед тем как мы войдем в режим состязания.

– Удачи, Савви, – улыбнулся Матео.

Я должна была выдать что-нибудь умное типа «удача понадобится тебе», но блеск солнца в глазах Матео лишил меня всяческой способности соображать и ответить достойно.

– А да... тебе тоже... – сказала я.

– Саванна! – закричал Джордж с другой стороны парка. Я быстро повернула к нему голову, и он беззвучно, одними губами, произнес: – Сконцентрируйся!

Одновременно с этим он пытался встать, как йог, в позу дерева, что, на минуточку, никак не помогало мне сделать то, о чем он просил. Я невольно фыркнула и не особенно

² Вымышленный мастер карате из фильма «Карате-пацан».

изящно расхохоталась. Этот смех не мог не услышать Матео.

– На старт, внимание... Бросай! – закричала Миссис М.

Яйцо вылетело у меня из руки с идеальной скоростью, полетело по идеальной же дуге и спокойно приземлилось прямо Джорджу в руку без особых усилий с его стороны. Я задержала дыхание, когда яйцо коснулось его руки, и Джордж с удивленным выражением лица поднял его вверх абсолютно целым. Я ободряюще оттопырила большие пальцы вверх, перед тем как он обратно бросил яйцо мне.

Мы отошли друг от друга еще на четыре шага назад. В этом раунде обычно участники начинали либо разбивать, либо ронять яйца. По ходу состязания повсюду раздавалась смесь визга и воплей «Да ты издеваешься!», а затем остались всего три команды. Становилось все сложнее и сложнее следить за тем, как яйцо летит в воздухе. Я подумала, что на этот раз, когда я бросала яйцо через парк, Джордж наверняка не сможет его поймать, но по какой-то счастливой яичной случайности мы продержались до последнего, а две другие команды уронили яйца.

– Наша чемпионка по бросанию яиц опять победила! – прокричала миссис М.

Окрыленный Джордж хлопнул по моей поднятой ладони своей, что заставило меня захихикать. Я никогда не встречала никого, кто был бы настолько же воодушевлен бросанием яиц, как и я. Джордж излучал энтузиазм, когда мы соревновались в бросании колец, в котором заняли только тре-

тье место. Почему-то мне было сложнее попасть кольцами на штырь, чем бросать яйца напарнику.

Затем мы разделились для индивидуальных соревнований в стрельбе по шарикам. И хотя я не попала в пятерку финалистов, мною воспринималось как достижение уже то, что в этом году ни одна из моих стрел не полетела куда не надо и не угрожала ничьей жизни. Мне стоило значительных усилий и заверений с моей стороны и доверия со стороны миссис М, чтобы опять получить лук и стрелы. Вряд ли она забыла тот раз, когда моя шальная стрела сбила торт, который она накануне пекла весь день.

Я как раз собиралась рассказать Джорджу историю о моей бракованной стреле, когда над толпой вновь раздался мощный голос миссис М.

– Итак, настало время трехногой гонки. Мы пойдем забегами по пять команд за один раз. Подойдите ко мне, чтобы забрать веревку для своей команды и подготовиться.

Джордж вызвался пойти за веревкой для нашей трехногой гонки, и я смотрела, как он бежит в своих баскетбольных шортах. Грэйс сидела на земле, связывая свою ногу с ногой одной из своих младших двоюродных сестер. Я внезапно почувствовала себя очень неловко из-за коротких шортов, которые решила надеть с купальником. Картина того, как мое колышущееся бедро привязано к бедру незнакомца, представляла мою личную версию кошмара. Заметит ли Джордж растяжки на внутренней стороне моих бедер? Будет ли ему

противно, когда он увидит их?

– Какой способ лучше для связывания двух ног вместе? – спросил Джордж. – Уверен, в этом ты тоже специалист.

Я едва могла понять, о чем он говорит. Мозг парализовал при одной только мысли чтобы связать мою ногу с ногой Джорджа.

– Мм... вообще-то для меня это будет первый раз, – промямлила я.

Он покачал головой, совершенно не замечая, что я впадаю в панику.

– Отлично. Значит, это будет новый опыт для нас обоих. Возьми этот конец и обвяжи вокруг своего бедра, а я обвяжусь этим. Затем мы можем попытаться завязать узел. Кажется, это будет самый удобный вариант. Что ты думаешь? Саванна?

Я внезапно почувствовала, будто из легких вышел весь воздух. Я покачнулась, и в ушах у меня зазвенело. Сколько бы панических атак я ни пережила, мое тело каждый раз думало, что оно умирает. Оно уверяло меня, что я не могу дышать, что я на самом деле умру посреди парка «Сэндкасл» в купальнике в горошек, даже не дожив до обеда.

Я плюхнулась на землю и зажала голову между колен, пытаюсь восстановить дыхание. Голос Джорджа раздавался словно откуда-то издалека, заглушаемый стуком моего сердца и звоном в ушах, но я не могла понять, что он говорит. Я зажмурила глаза в попытке остановить приступ. Тело не

слушалось. Я почувствовала, как кто-то убрал мои волосы с шеи, и увидела протянутую бутылку воды. Когда я наконец смогла поднять голову, то встретила глазами с Грэйс. Грэйс... Слава богу, что она есть.

– Эй, подруга, – сказала она, – мне не следовало заставлять тебя участвовать в трехногий гонке. Я же знаю, что она вгоняет тебя в панику, и должна была уважать твои возможности.

– Все нормально, – прошептала я, хотя мои губы все еще подрагивали.

– Дышать можешь? Хочешь взять мой телефон? Там есть приложение для медитаций, – продолжала Грэйс.

– Все хорошо. Сейчас оклемаюсь, – сказала я. Мое тело тоже начинало мне верить. Успокаиваясь после панической атаки, чувствуешь себя словно после марафона, когда твое тело настолько возбуждено и переполнено адреналином, все мышцы напряжены и это может серьезно дезориентировать.

– Хочешь, я отвезу тебя домой? – спросила Грэйс.

– Это могу сделать я, – вмешался Джордж. – Я знаю, что Лиззи действительно хочет поучаствовать в этой гонке. Я доставлю Саванну домой.

Грэйс наклонила голову, оценивая, насколько меня устраивает такой вариант. Мой взгляд скользнул в сторону маленькой Лиззи, которая постукивала ногой по земле, и веревка все еще болталась вокруг ее бедра. Я не могла испортить день чудесному семилетнему ребенку своим семнадца-

тилетним психозом.

– Было бы неплохо, – наконец проговорила я. Грэйс погладила меня по предплечью, прошептав быстрое спасибо Джорджу. Лиззи захлопала в ладоши, когда Грэйс вернулась к ней и без особых усилий связала их ноги вместе. Между ними оставалось достаточно свободной веревки, и идеальные подтянутые ноги Грэйс не рисковали получить натертости.

Джордж протянул руку, помогая мне подняться. Я сконцентрировала все свои силы на том, чтобы идти не пошатываясь. Когда я встала, мои ноги уже почти не дрожали и я могла идти без опаски в любой момент упасть в обморок.

– Я подгоню машину сюда, к краю тротуара. Можешь подождать секунду, пока я пойду возьму ключи у мамы? – спросил он.

– Иди, – кивнула я. Все немного расплывалось у меня перед глазами, пока он бегал, чтобы взять ключи и вернуться с машиной. Я пыталась сфокусировать взгляд на колышущейся листве дерева, стоящего напротив, – все что угодно, лишь бы не замечать, как мои легкие сокращаются каждые несколько секунд, угрожая снова вогнать меня в панику. Листья на ветру следовали определенному ритму. Медленно налево, медленно направо, быстро вверх. Медленно налево, медленно направо, быстро вверх.

– Саванна, – позвал Джордж из машины, остановив ее у бордюра.

Я сосредоточила взгляд на стоявшей передо мной черной

«Субару». Потом проковыляла к ней, быстро открыла пассажирскую дверь и плюхнулась на сиденье. Пристегнув ремень безопасности, я почувствовала на себе взгляд Джорджа. Я знала, что он беспокоится за меня, но от этого не становилось лучше.

– Где ты живешь? – спросил он, доставая телефон, чтобы включить навигацию.

– 992 Малберри-корт, – удалось выдать мне. Голос, говорящий с британским акцентом, раздавался из колонок машины, указывая Джорджу, как добраться до моего дома. Мы сидели в тишине, нарушаемой только указаниями: «Поверните налево через 70 футов. Перерасчет маршрута. Поверните направо через 30 футов».

Это был самый неловкий момент за всю мою жизнь. Я позволяла незнакомцу везти меня домой после панической атаки, вызванной мыслью об участии в детской уличной игре. Он наверняка подумал, что я полная неудачница.

– Как ты себя чувствуешь? – Мы были в нескольких секундах от моей подъездной дорожки, и мне просто хотелось провалиться сквозь сиденье от унижения.

– Уже лучше, – ответила я. – Извини, что тебе пришлось уехать из-за меня.

– А, не стоит беспокоиться, – сказал он, – думаю, я все равно использовал всю свою удачу на бросании яиц. Все другие соревнования по сравнению с этим меркнут.

Я криво улыбнулась, чувствуя, что у меня опять может

начаться полномасштабная паническая атака, если я сейчас же не выйду из машины. Нет, никак нельзя допустить, чтобы это опять произошло у него на глазах.

– Спасибо еще раз, – сказала я, ухватившись за ручку двери и полностью отдавая себе отчет в том, насколько сильно дрожит моя рука.

– Хочешь, я побуду с тобой недолго? – спросил он.

– О боже, нет, ты уже сделал достаточно, – ответила я, трясущейся рукой открыла дверцу и кое-как выбралась из высокой машины.

– Это совсем не проблема, я могу остаться, – начал опять он.

– Мне не нужно, чтобы ты со мной оставался, ясно? Я отлично справлюсь без твоей помощи, – отрезала я и резко захлопнула дверь.

Джордж только слегка покачал головой. А я демонстративно прошагала к двери своего дома, вошла в гостиную и там рухнула на диван, позволив организму переработать всю тревогу и грусть, переживаемые мной последние несколько дней.

Мое неровное дыхание перемежалось слезами, которые я так старательно пыталась сдерживать. Наконец-то в полной мере пришло осознание собственного одиночества. Я не могла взбежать вверх по лестнице и обняться с сестрой. Не могла рассказать ей о своей панической атаке – она будет не в состоянии разобраться с причинами.

Этот год был большим новым волнующим приключением для Эшли. А я никогда не чувствовала себя так одиноко.

Глава 3

Первые дни учебного года всегда представляются таким памятным событием, наполненным важными моментами, пронизанными духом школы. В реальности это самый обычный день, только на парковке творится кошмар, потому что все второкурсники теперь получили парковочные места и пытаются в первый раз ими воспользоваться. Я обычно парковала Норму на самом краю, чтобы избежать этой неразберихи. Повесив сумку с книгами на плечо, я направилась внутрь, едва увернувшись от машины, водитель которой нацелился на парковочное место поблизости. Я вскрикнула, отпрыгнула назад и стала ждать, пока водитель выйдет из машины, чтобы устроить ему разнос.

– Ты вообще меня видел? Ты же меня чуть не сбил! – закричала я.

– О боже... прости, пожалуйста, – произнес очень знакомый голос. Когда водитель выбрался из машины, выражение испуга у него на лице сменилось удивлением.

– С каких это пор ты ходишь в нашу школу? – спросила я Джорджа.

Он забросил сумку через плечо и двинулся к входной двери. Мне еле удавалось успевать за ним, моим коротким ногам приходилось передвигаться вдвое быстрее, чтобы не отставать от его длинных шагов.

– Я перевелся в этом году.

– Зачем тебе переводиться на последнем году?

– На предпоследнем, – поправил Джордж.

– А, ну тогда это объясняет твой стиль вождения, – съехидничала я.

Он бросил на меня косой взгляд, а потом покачал головой в той же манере, что и вчера, когда высадил меня у дома. Мы шли по коридору, и я улыбнулась несколько знакомым по дороге. Они все с любопытством смотрели на Джорджа. Мы почти дошли до столовой, рядом с которой находился мой шкафчик, когда столкнулись с Грэйс.

– Привет вам! Какой чудесный сюрприз, – сказала Грэйс, заключая меня в объятия. Она и Джорджа притянула к себе, и он неловко похлопал ее по спине.

– Не могла бы ты мне показать, где вообще находится кабинет? – спросил он у Грэйс.

– И я могла бы показать, – сказала я.

– Прекрасно обойдусь без твоей помощи, – повторил он мне мои же слова, вырвавшиеся у меня в момент паники. Сейчас, брошенные в ответ мне самой, эти слова больно задели. У Грэйс отвисла челюсть, и в течение нескольких секунд она переводила взгляд с меня на Джорджа и обратно.

– Отлично. Замечательного первого дня тебе, – сказала я, повернулась на каблуках и направилась по коридору в противоположную сторону, прочь от своего шкафчика, сама не зная куда. На глаза наворачивались слезы, в горле стоял ко-

мок, и я принялась искать ближайший туалет. Мне совсем не хотелось быть девушкой, плачущей в коридоре в первый учебный день.

В конце коридора показался женский туалет, и я поспешила туда. Однако стоило мне задаться какой-нибудь целью, как выяснялось, что у вселенной в отношении меня имеются свои планы.

– Саванна! – услышала я окрик от двери одного из кабинетов и, медленно обернувшись, увидела миссис Брандт, которая махала мне рукой, бережно держа в другой чашку кофе. Ну, хоть в чем-то просматривалась стабильность. Миссис Брандт жестом подозвала меня для разговора, и я мысленно выругалась.

– Я заметила, что ты не записалась в редколлегию школьной газеты в этом году. Неужели ты оставишь меня без одного из моих лучших репортеров? – спросила она.

– Простите, миссис Брандт, – сказала я. И в самом деле, решение не участвовать в этом году в школьной газете давалось мне тяжело. Выбор стоял между газетой и спецкурсом по химии, который был мне нужен, чтобы попасть в инженерную программу в университете Индианы. С тех пор как Эшли решила, что уезжает в Индиану, я выяснила, каковы требования для поступления на мой курс там, и делала все возможное, чтобы к нему подготовиться.

– У меня не получилось втиснуть газету в мое расписание в этом семестре.

– Кто твой куратор? – спросила она и, подведя меня к столу в своем кабинете, начала рыться в двух переполненных ящиках и шкафу для бумаг, пока не нашла клочок бумаги, на котором можно было писать.

– Мистер Рид, – ответила я.

Она нацарапала несколько слов на листке и передала мне.

– Пойди поговори с мистером Ридом и поразмысли, не сможешь ли ты начать независимое исследование для газеты. Я могу встретиться с тобой после занятий, чтобы обсудить возможные темы. Понимаю, что ты очень занята, но просто подумай. Мне бы очень не хотелось видеть, как ты бросаешь дело, к которому у тебя большие способности.

Когда я брала записку из рук миссис Брандт, она посмотрела мне в глаза – впервые с того момента, как заметила меня и впала в раж. На ее лице мгновенно появилось выражение озабоченности.

– С тобой все в порядке? – спросила она. – Извини, если я слишком на тебя насела.

– Нет, нет, дело не в вас, – ответила я, вытирая выкатившуюся из глаза слезинку.

Прозвенел звонок, и это значило, что до начала первого урока моего последнего года в школе оставалось пять минут. В класс миссис Брандт начали входить студенты, и я восприняла это как знак, что мне пора уходить.

– Мне пора на урок. Я поговорю с мистером Ридом.

– А, ну хорошо, до скорого, – прокричала она мне вслед,

пока я протискивалась через толпу студентов. Я шла мимо них, как бесчувственный зомби, с обычной решимостью, свойственной мне в трудные моменты. Я никогда не плакала ни перед кем, кроме Эшли. Она служила моим эмоциональным барьером, и похоже, ее отсутствие открыло шлюзы для всевозможного эмоционального взаимодействия с людьми. Мягко говоря, эта перемена меня не радовала.

Я заметила Грэйс, на этот раз одну, на другой стороне коридора. Когда она увидела меня, ее глаза расширились и мы поспешили к друг другу.

– Я смотрю, вы с Джорджем уже начали Третью мировую, – пошутила она.

– Похоже, это я случайно начала. Хотя справедливости ради стоит отметить, что он чуть не задавил меня на парковке сегодня утром, – ответила я.

– Потому что злился на тебя? – спросила она.

– Нет, случайно. Но, возможно, я потом наехала на него из-за этого, – призналась я.

– Я бы удивилась, если бы ты этого не сделала, – ответила она, закатывая глаза и ухмыляясь. Мы вместе пошли на первый урок. – Напомни-ка мне, почему я согласилась на урок высшей математики в 8:30 утра?

– Потому что это единственный урок, который помещался в мое расписание, а ты хотела иметь полный доступ к моим записям, – сказала я и взяла ее под руку, – и потому что ты меня любишь.

– Это настоящее испытание для моей любви, – пробурчала она.

– Кстати, миссис Брандт хочет, чтобы я провела независимое исследование для газеты, – сообщила я, когда мы вошли в класс и сели за парту. Грэйс широко раскрыла глаза и в восторге захлопала в ладоши.

– Скажи мне, что ты согласилась. Мы могли бы устроить серьезное расследование – помнишь, мы уже давно обсуждали? Давай! Ты для меня самый лучший напарник, потому что ты уже знаешь все особенности моего характера. Пожалуйста, Савви, соглашайся! – попросила она.

– Я подумаю над этим, – пообещала я, теребя в руках листок бумаги, который дала мне миссис Брандт. Прозвучал звонок, вокруг нас рассаживались одноклассники. Наш учитель мистер Кавач вышел вперед и начал отмечать присутствующих, и ботан во мне возликовал.

Даже несмотря на то что с утра я соображаю хуже, математика давалась мне легко. Она давала мне возможность использовать все, что я выучила до этого, все понятия из алгебры и геометрии, которые я упорно заучивала, и использовать их как базу. Она позволяла решать проблемы в идеальном мире, в котором на бумаге жило только существенное. И я могла решать, каким способом добраться до ответа. Я обладала свободой выбирать свой собственный путь. Ну и мистер Кавач был клевый, что тоже не мешало.

Рядом со мной Грэйс лениво делала записи, которые боль-

ше походили на каракули. Она знала, что я веду отличные конспекты по математике и что в конце концов мы будем заниматься вместе. Урок подходил к концу, и Грэйс быстро собрала свои вещи.

– Мне надо встретиться с Беном у его шкафчика, но серьезно, я тебя умоляю заняться со мной независимым исследованием. Ты так хорошо пишешь, Сав, а газете нужны сильные репортеры в этом семестре, – сказала она.

Бен был новоиспеченный бойфренд Грэйс. Этим летом они вместе работали в Famous Footwear, и отношения завязались на фоне кроссовок и прочей обуви. Я до сих пор не могла до конца отойти от того, что Грэйс встречалась с качком, но в те несколько раз, что я его видела, он показался мне вполне милым.

– Я серьезно подумаю над этим, – сказала я.

– Уж постарайся! – сказала подруга, послав мне воздушный поцелуй уже из коридора. – Увидимся в обед.

После школы я забрала из собачьей парикмахерской счастливого Фиеро, шерсть которого впервые за несколько недель выглядела чистой. Когда заводишь собаку, похожую на пушистый белый шар, приходится брать на себя определенный риск. В течение нескольких часов пес остается белоснежным, пока не вывалится в чем-нибудь там, где не следует. Фиеро насторожился, когда я пристегнула его ремнями на заднем сиденье, а затем, похоже, запаниковал, когда по-

нял, что вести машину тоже буду я. Животные очень тонко чувствуют неминуемую опасность.

Норма в очередной раз справилась и доставила нас домой с минимальной психологической травмой, в основном для Фиеро. Я преувеличенно извинялась перед ним за то, что мы чуть не перевернулись, когда машину занесло на особенно крутом повороте. Он пулей вылетел из машины, как только я открыла дверь, и прыгнул на руки к маме, которая вернулась домой с работы и уже облачилась в свои чересчур обтягивающие велосипедки и спортивный лифчик. Эти ее усилия были направлены на то, чтобы продемонстрировать свое преображение соседям, как будто никто из них не заметил ее нового тела.

– Как прошел первый день? – спросила мама, пока Фиеро облизывал ей щеку.

– Отлично, – ответила я. – Думаешь, желание отлынивать от учебы, обычное для последнего года, могло уже появиться?

– Да ладно, ты же любишь школу! – сказала мама. – Саванна Линн, ты такая умная. Не позволяй представлению о «расслабленном» последнем годе сбить тебя с намеченного курса.

– Не переживай за меня, мам, – успокоила я ее. Вероятно, я бы добавила что-нибудь вроде «ты же особо не беспокоилась раньше», но в голове зазвучал совет Эшли насчет выбора приоритетов в битве. Если мы хотим сделать совмест-

ную жизнь без Эшли терпимой, мне придется поработать над умением думать, прежде чем говорить.

Мы вошли в дом, и Фиеро сразу побежал к своей миске для корма, как будто он заслуживал награду за то, что выжил в поездке со мной. Сложно спорить с его логикой. Он терпеливо сидел и ждал, пока я достану одну из вонючих костей из его вонючего контейнера и положу ее перед ним. Я уже собиралась пойти наверх и начать делать домашнее задание (после заслуженного эпизода Баффи, конечно), когда услышала, что меня зовет мама.

– Саванна, не могла бы ты спуститься на секундочку, – попросила она.

Ничего хорошего такое начало не сулило.

– Как ты знаешь, прошло уже почти шесть месяцев с тех пор, как я участвовала в «Сбрось вес», – заговорила мама, когда я спустилась вниз по лестнице. – Они собираются снимать особый выпуск о бывших участниках и на следующей неделе хотят приехать к нам домой, чтобы заснять несколько сцен. В основном они будут снимать меня в моей повседневной жизни, но могут попросить об интервью с тобой о том, какие произошли перемены в нашей жизни. Ну, знаешь, самые обычные вещи.

– А Эшли приедет?

– Нет, дорогая. Ей нужно привыкнуть к расписанию в колледже. Поездка домой всего через две недели после начала занятий помешает ей установить свой распорядок. Ты же не

хочешь создавать ей трудности, правда?

– Конечно нет, – ответила я, но сердце у меня екнуло. Выступать перед камерой и говорить что-то хорошее об изменениях, которые произошли с моей мамой, представлялось мне кошмаром. Я не только была против самого этого шоу, но какая-то маленькая злобная часть моего подсознания еще и считала, что они могут спросить меня, а не хочу ли я поучаствовать в подростковой версии «Сбрось вес». А этого вопроса я не переживу.

– Не похоже, чтобы ты была очень рада, – нахмурилась мама. – Но для нашего района будет просто здорово, если нас опять покажут по телевизору.

– Мам, ты же знаешь, как я отношусь к этому шоу, – возразила я.

Она втянула щеки, а потом прижала руку ко лбу.

– Почему всегда так сложно попросить тебя о поддержке?

– Тебя я поддерживаю. Но не поддерживаю это шоу, – сказала я.

– Я стала такой, какая есть сейчас, благодаря этому шоу, неужели ты не понимаешь? Я была никем до этого. Теперь я – это я и наконец-то могу быть настоящей собой. Разве это не то, чему следует порадоваться? – спросила мама.

– Для меня ты и раньше была кем-то, – спокойно возразила я.

Несколько мгновений мы сидели в тишине, потом она отвернулась от меня и направилась в гостиную.

– Могу я хотя бы попросить тебя сделать вид? Мило улыбаться на камеру, когда они придут? – спросила мама.

– Как скажешь, – бросила я, поднимаясь наверх, в свою комнату.

Единственного человека, способного понять меня и поддержать мое решение бороться, сейчас здесь не было, но мне было просто необходимо по меньшей мере услышать голос сестры. И, как мне казалось, ей тоже не помешает поговорить со мной.

Гудок прозвучал дважды, прежде чем Эшли ответила на другом конце линии.

– Привет, красотка, – сказала она, взяв трубку.

– Так здорово услышать твой голос, – обрадовалась я. – Как прошел первый день занятий? Ты с кем-нибудь подружилась? Завела врагов? Заклятых друзей?

Эшли рассмеялась.

– Въехала моя соседка! Она прикольная. Я хожу на несколько общих занятий с Яэль, девушкой, которая живет дальше по коридору. Только время покажет, станем ли мы заклятыми друзьями.

– Я чувствую, что Яэль вряд ли будет заклятым другом, – сказала я.

– Перестань. Мы совершенно не знаем, понравилась ли ей я, – сказала она.

Ох уж эта Эшли, всегда сама практичность, совсем не мечтательница.

– Я просто хотела сказать, что она очень хорошенькая, – пояснила я свои слова.

– Ну, хватит обо мне. Как дела у тебя? Как прошел твой первый день? – спросила Эшли.

– Меня чуть не сбил машиной двоюродный брат Грэйс. Я, похоже, начала с ним кровную вражду. Но пока точно не ясно, – сообщила я.

Накрутив прядь волос на палец так плотно, что тот посинел, я соображала, как лучше сообщить новость о нашей первой с мамой распре в отсутствие Эшли. Как ни начни, все плохо.

– Итак, – решила я, – «Сбрось вес» собираются приехать к нам домой на следующей неделе, чтобы снять дополнительный выпуск с мамой.

– О! – это все, что смогла сказать Эшли после долгой паузы.

– Когда уже верилось, что все демоны изгнаны, – посетовала я.

– Она хочет, чтобы я приехала домой? – спросила сестра.

– О боже, нет, – взмолилась я, – не дергайся. Ты до сих пор обживаешься. Я должна тебе дать достаточно времени, чтобы ты могла завести хотя бы одного заклятого друга, прежде чем сможешь возвращаться с визитами.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я приехала? – спросила она.

Конечно, я хотела. Больше всего на свете я хотела, чтобы

она вернулась и исполнила роль сестры, говорящей на камеру. Я хотела, чтобы это она присутствовала на заднем плане на съемках с мамой и Фиеро. Никто не скажет про нее, что она – толстая дочь, которая не следует советам матери, усвоенным той в «Сбрось вес». Никто не будет ставить ее под сомнение.

– Уверена. И я справлюсь, – пообещала я.

– Я же тебе говорила, что ты сильнее, чем полагаешь, – сказала Эшли. – Я горжусь тобой, сестренка. Это ничего, что мы теперь живем отдельно, правда? Нам просто надо к этому привыкнуть.

– По крайней мере на этот год. А потом я приеду к тебе, и мы снова будем жить в одной комнате, и все опять придет в норму, – сказала я.

На другом конце линии опять повисла пауза.

– Ты уверена, что хочешь приехать сюда? Ты одна из самых больших умниц, кого я знаю, и, скорее всего, смогла бы поступить и в университет получше.

– Конечно, – согласилась я, – это временно. Пока я знаю, что это только временно, мне гораздо проще к этому относиться.

– Как скажешь, – проговорила Эшли. Я представляла себе, как она сидит, покачивая головой, в своей комнате. Услышала звук открывшейся двери и как сестра быстро поприветствовала свою соседку.

– Изабелла вернулась. Можно, я перезвоню тебе завтра? –

спросила она.

– Договорились, – ответила я, – хочешь начать второй сезон «Скандала» сегодня? Мы можем переписываться столько серий, сколько сможем посмотреть, пока не уснем.

– А то! Я же должна поддержать мою девочку Оливию Поуп.

– Хорошо. Пока мы обе можем выражать нашу общую любовь к ОП в эсэмэсках, с миром все будет в порядке. Я уже очень сильно соскучилась по тебе.

– Я соскучилась еще больше. Поговорим позже, хорошо?

– Да. Пока, сестренка, – попрощалась я. На другом конце быстро повесили трубку, еще до того, как я услышала в ответ привычное: «Тебе тоже пока, сестренка». Я несколько секунд смотрела на телефон, продолжая держать его в руке в надежде, что Эшли перезвонит и исправит свою ошибку. Но телефон молчал, и я, тяжело вздохнув, плюхнулась на кровать.

Первая неделя в разлуке с сестрой. Эшли: 1. Саванна: 0.

Глава 4

Я потянулась к своему шкафчику и через считанные секунды ощутила присутствие Грэйс у себя за спиной. Она обладала такой энергией, которая сразу чувствовалась, когда подруга появлялась рядом. Это как теплые объятия, даже когда вас не касаются. Грэйс держала у бедра учебник высшей математики и выжидающе смотрела на меня, как будто ей не терпелось чем-то поделиться.

– У меня есть гениальная идея для нашей истории, – начала она.

– Ты же знаешь, что я официально не записалась на независимое исследование, – предупредила я.

Она помахала рукой у себя перед лицом.

– Я знаю, ты запишешься. Просто не сможешь упустить хорошую историю.

– Ну, порази меня. – Я достала свой учебник математики из шкафчика, захлопнула дверцу и повернулась, чтобы пойти вместе с Грэйс в класс. Ее поразительное умение преподнести любую историю во многом объясняло причину того, почему в этом году ее выбрали редактором школьной газеты. Любовь Грэйс к журналистике была поистине заражительна.

– Итак... Сегодня утром я разговаривала с Мелиндой Олдридж, и она упомянула, что ее танцевальная команда пыталась заниматься в спортзале вчера после обеда, но муж-

ская бейсбольная команда, которая до весны даже не начинает игр, каким-то образом зарезервировала зал для себя. Хотя танцевальной команде никогда раньше не приходилось его резервировать, – продолжила Грэйс.

– Ты шутишь, – откликнулась я, понимая, что мне уже интересно.

– Нормально, да? Короче, их выставили из зала, и они были вынуждены заниматься в столовой, где недостаточно места и ужасная акустика, хотя у них выступление на этих выходных на футбольном матче. Такая несправедливость! Это заставило меня задуматься о неравенстве между мужскими и женскими видами спорта и о том, как школа демонстрирует свое предвзятое к ним отношение. Например, бейсбольной команде позволяют зарезервировать зал, в котором обычно занимается танцевальная команда. Я думаю, возможно, есть перекосы и в выделении финансирования. Поэтому я бы хотела, чтобы миссис Брандт была нашим факультетским наставником. Если мы найдем что-то дискредитирующее школу, что-то, что они не захотят обнародовать, она сможет законно нас поддержать.

– Ого... – протянула я.

– Если получится это доказать, тогда мы могли бы инициировать какие-то перемены в нашей собственной школе. Мы могли бы добиться чего-то существенного.

Мы уселись за свои парты в кабинете математики, и я внезапно почувствовала, что идея этого проекта меня увлекла.

Я уже размышляла, как организовать интервью со школьными спортсменами и даже с некоторыми из тренеров, не говоря им точно, о чем будет статья. Я бы спрашивала об их методах работы, о том, где они обычно тренируются, о правилах, которые они должны соблюдать, чтобы получить доступ к местам для тренировок, – получить начальный компромат будет довольно просто.

Мистер Кавач начал занятие с объявления о контрольной в пятницу – не совсем то, что людям хочется услышать первым делом в восемь утра во вторник. Грэйс посмотрела на меня большими глазами и беззвучно прошептала: «Спаси меня...» «Я с тобой», – с уверенностью прошептала я ей в ответ. По крайней мере я на это надеялась. Сегодня мне придется идти домой и заниматься, чтобы я могла помочь Грэйс учиться в течение недели.

После урока мы с Грэйс поспешили в коридор, пытаясь обогнать толпу, чтобы отправиться на следующий урок.

– Мы точно сможем дополнительно позаниматься математикой в четверг? – спросила она.

– Точнее не бывает, – сказала я. – И, может быть, завтра мы приступим к работе над статьей?

– Завтра? – переспросила она, и ее голос взлетел на октаву вверх. – Мм... на завтра у меня есть планы. Я встречаюсь с бабушкой Розалиной. Ей нужна помощь в организации вечеринки, которую она устраивает.

– В среду? – уточнила я.

– У пожилых людей расписание вечеринок несколько отличается.

– Можешь просто признаться, что встречаешься с Беном, Грэйс. Он ведь твой парень.

– Я знаю. Просто мы с тобой обещали друг другу, что не превратимся в тех девушек, которые забывают о своих лучших друзьях, как только у них появляются парни, и я не хочу быть таким человеком. Действительно не хочу, – сказала она.

От дальнейших расспросов ее спас звонок на следующий урок. Преподаватель физкультуры вполне ясно дал понять, что мои опоздания на его уроки в этом году так легко мне с рук уже не сойдут.

– Я должна бежать на физкультуру. Тебе не обязательно врать мне, когда ты встречаешься со своим парнем. Это совершенно нормально! – сказала я.

Она беззвучно прошептала «спасибо» и побежала по коридору на второй урок.

Я была уже на полпути в спортзал, когда вспомнила, что оставила телефон на стуле в классе мистера Кавача, и начала против течения протискиваться среди школьников, уткнувшихся в свои телефоны и занимающих куда больше места по ширине коридора, чем это необходимо для разговора с группой своих друзей. Если я не потороплюсь, я точно опоздаю и с меня спишут баллы за физкультуру.

Когда я вошла в класс мистера Кавача, он разговаривал с Джорджем. Меня бросило в жар от смешанного чувства сму-

щения и злости. Джордж как будто почувствовал, что я смотрю в его сторону, и обернулся, но так же быстро снова повернулся к мистеру Кавачу. Он сделал вид, что не заметил меня, хотя мы явно встретились взглядами. Я хмыкнула и двинулась по проходу между партами к своему телефону. К сожалению, его нигде не было видно. Вот блин!

– Саванна, – позвал меня мистер Кавач и, когда я резко повернулась к нему, помахал моим телефоном.

– О, слава богу, – обрадовалась я.

– Саванна, ты уже знакома с Джорджем? – спросил Кавач. – Он новенький. Предпоследний класс, и начинает подготовку к высшей математике.

– Да, мы... – начала я, но в этот момент Джордж протянул мне руку для рукопожатия и произнес:

– Приятно познакомиться.

Я в недоумении покачала головой, но руку ему пожала. Что-то с ним не так.

– Забавно, Джордж, у тебя такое знакомое лицо, – заметила я. – Потороплюсь-ка я лучше в спортзал. Иначе опоздаю.

Я натянуто улыбнулась и развернулась на каблуках. Моя кровь кипела.

– Я просто подумал, что ты могла бы быть отличным репетитором для Джорджа. Его предыдущая школа не дала ему такой хорошей базы для подготовки к высшей математике, как у нас. Поэтому он немного отстает, – объяснил мистер Кавач.

Теперь настал черед Джорджа густо покраснеть. Хорошо.
– Ну, я не знаю... – замялась я.

– Подумай об этом, Саванна. Может, вы могли бы обменяться телефонами, если ты решишь, что у тебя найдется время. Знаю, что занятия с тобой очень помогли бы Джорджу.

Я посмотрела на Джорджа, который в течение всего этого разговора изо всех сил старался не встречаться со мной взглядом. Если честно, я просто хотела, чтобы он сказал хоть одно слово, одну фразу, которая подтвердила бы, что ему действительно нужна моя помощь. Я бы совсем не возражала – алгебра и начала анализа были моим любимым предметом. Я приподняла бровь и склонила голову набок, всем своим видом показывая, что жду проявления его заинтересованности.

– Мм... да... конечно... давай обменяемся телефонами, – наконец промямлил он.

– Отлично. Спасибо, Саванна. Увидимся на пятом уроке, Джордж, – резюмировал мистер Кавач. Джордж забросил рюкзак на одно плечо, а я двинулась к выходу.

– Ладно, давай поговорим на ходу. Меня и в самом деле лишат баллов, если я опоздаю в спортзал, – сказала я. Народу в коридорах поубавилось, и это означало, что вот-вот прозвенит звонок на второй урок. Учителя начали закрывать двери в классы, и звук захлопывающихся дверей гулко бился в изумрудно-зеленые дверцы шкафчиков. Когда мы вышли

из зоны слышимости мистера Кавача, я резко повернулась к Джорджу лицом.

– Какого черта ты устроил это представление? Почему сделал вид, что не знаешь меня? – возмущалась я.

– А что я должен был сказать? Да, мы встречались и я разозлил ее вчера утром, когда чуть не раскатал машиной в лепешку? – спросил он.

– Или что-нибудь вроде «да, я двоюродный брат ее лучшей подруги». И даже простое «да, мы знакомы» тоже бы сошло. Серьезно, ты настолько стесняешься признать, что ты меня знаешь? Кавач, полагаю, последний человек, перед которым тебе нужно делать вид, что ты крутой. Он очень хорошо ко мне относится.

Джордж снова густо покраснел и начал потирать затылок. Он быстро посмотрел, нет ли кого в коридоре, а потом так же быстро повернулся ко мне.

– Я запаниковал, ясно? У меня было ощущение, что он предложит тебе со мной позаниматься. И мне стало стыдно, что ты узнаешь о моих проблемах с математикой. Довольна теперь? – Его лицо и уши теперь были багровыми, и я почувствовала себя отвратительно, понимая, что являюсь причиной того, как он себя чувствует.

– Джордж... – начала было я, но в этот момент прозвучал звонок на второй урок.

– Мне надо бежать к команде, – сказал он и направился по коридору в противоположную от меня сторону. А я так

и осталась стоять на месте – идиотка, которая теперь точно опоздала на физкультуру.

– До скорого, – сказала я ему вслед. Он ничего не ответил и даже не обернулся.

Когда я добралась до дома, меня едва не сбил с ног всепроникающий запах кейла, и я закашлялась. Я закрыла нос рукавом рубашки в попытке перебить этот запах запахом стирального порошка, которым ее стирали, но он все равно упрямо просачивался в мой нос. Я зашла в нашу кухню и обнаружила там маму, блендер и капусту в таком количестве, что она заняла все рабочие поверхности, включая кухонный стол.

– В магазине были скидки на кейл? – поинтересовалась я, зажав нос, отчего мой голос зазвучал гнусаво.

– Я начинаю чистку соками, – сказала мама с улыбкой, словно приклеенной к лицу. – Мне нужно сбросить десять фунтов до того, как начнутся съемки «Сбрось вес», и Линдси посоветовала чистку соком кейла, которую она попробовала несколько недель назад.

Линдси, так же как и мама, была участницей «Сбрось вес». Она жила где-то в пригороде в Айове, так что они с мамой нашли общий язык, пока вместе снимались в шоу. Мама не переставала напоминать мне, что вся семья Линдси следовала ее привычкам здорового питания без каких-либо возражений и что все вместе они сбросили полторы сотни фун-

тов. Я обычно отвечала что-нибудь в духе «рада за Линдси» или «извини, мы не заинтересованы в том, чтобы присоединяться к вашей секте здоровья». Ни один из этих ответов не вызывал у мамы положительной реакции.

– Что ж, звучит весело, – сказала я, – а пока ты будешь смешивать свои блюда на следующую неделю, я пойду наверх делать домашнее задание.

Я повернулась, чтобы пойти к лестнице, но мама окликнула меня.

– Саванна, подожди! – сказала она.

Часть меня хотела, чтобы она признала, насколько нездорова эта чистка соком или что ей на самом деле не надо сбрасывать десять фунтов из-за съемочной команды, которая придет к нам в дом. Но это была часть меня, склонная выдавать желаемое за действительное.

– Мне нужно запостить свою фотографию с протеиновым порошком, производитель которого спонсирует меня в Инстаграме. Можешь меня сфотографировать? – попросила мама.

– Неужели ты не можешь найти кого-нибудь, кто мог бы тебе помочь с этим? – спросила я. – Ты работаешь в сфере пиара. Это же в прямом смысле работа твоих коллег.

Она уперла руки в бедра и бросила на меня тот самый Полный Огорчения Взгляд. И я сдалась.

– Ну хорошо. Где тебя сфотографировать? – спросила я. Мама налила достойный Инстаграма зеленый сок кейла

в один из наших самых красивых стаканов, достала медные мерные чашки и кухонный нож и разложила все на столе перед собой. Она взяла в руку стакан со свежавыжатым соком и расположила протеиновый порошок так, чтобы он оказался в верхнем правом углу фотографии – фоном для себя улыбающейся. Она надела один из своих самых маленьких неоноворозовых спортивных топов-бра, который ярче всего демонстрировал ее новое тело, и заставила меня вести обратный отсчет, когда я фотографировала, чтобы она могла одновременно втянуть живот и напрячь мышцы, используя все трюки, которые она освоила, когда ей надо было фотографироваться на шоу.

– Не могла бы ты записать для меня текст? Ты печатаешь в телефоне намного быстрее меня, – сказала мама.

Я было запротестовала, но еще прежде, чем успела сказать нет, она начала тарабанить текст.

– Сегодня я наслаждаюсь освежающим соком кейла с энергетическим порошком – здесь не забудь вставить знак копирайта, – зачастила мама. – На этой неделе я начинаю чистку соком, и мне требуются помощники, которые помогут мне не сбиться. Кто со мной? Напишите мне свои сообщения поддержки в комментариях. Люблю вас всех! Хештег здоровый образ жизни, хештег вдохновение, хештег «Сбрось вес», хештег похудение, хештег чистка соком...

– Может, достаточно хештегов? – спросила я.

– Ты уверена? Я обычно добавляю еще несколько. Я хочу,

чтобы все это стало достоянием как можно большей аудитории, так как это спонсируемый пост, – сказала она.

– Ты всегда можешь добавить попозже еще, если захочешь. Держи свой телефон, – сказала я, возвращая его маме. – Мне действительно пора делать домашнее задание.

Соппротивление искушению добавить хештеги типа #ПолюбиСвоеТело, #ВсеФигурыХороши отняло у меня все силы. В отношениях с мамой присутствовала очень тонкая грань, потому что хотя она была моей мамой, но я не соглашалась с ее взглядами на ее тело, и если уж на то пошло, на мое тело тоже. И как я должна была следовать совету Эшли сидеть спокойно и прикусив язык? Каким образом я могла оставаться в стороне, когда мама заставляла меня публиковать от ее имени то, от чего меня тошнило? Я представляла всех девушек моего возраста или взрослых женщин маминого возраста, которые читали мои посты и чувствовали себя ужасно в своем теле. Я представляла, как они принимают жесткие меры вроде чистки соком, чтобы похудеть в невообразимо короткие сроки. То, что я играла пусть даже маленькую роль в этом посте, который потенциально мог заставить кого-то чувствовать себя неуверенно в своем теле, меня очень расстраивало.

Но я прикусила язык. Потому что она моя мама, а я всего лишь дочь.

Глава 5

На следующей неделе у нас дома стоял дым коромыслом. Мы с мамой совместными усилиями готовили дом к съемкам «Сбрось вес». Большой частью моей задачей по приведению дома в порядок было всего-навсего развлекать Фиеро и не подпускать его ко всем новым комнатным растениям, которые мы купили. Судя по всему, шоу продвигало тему о пользе комнатных растений, но за всю мою жизнь маме не удалось сохранить ни одно растение живым дольше нескольких недель. Это просто чудо, что ей удалось вырастить двух частично годных детей.

В памятное утро мы с мамой сидели перед моим шкафом, склонив головы и пытаясь подобрать для меня идеальный наряд. Съёмочная команда прислала список узоров и цветов, которых стоило избегать перед камерой, и сейчас казалось, что вся моя одежда была только этих цветов и с такими узорами. Ген утонченности в семье явно достался Эшли. Моя же философия всегда сводилась к одному: чем больше цвета, тем лучше.

– У тебя нет просто обычной однотонной блузки? – спросила мама. – Пусть даже и на пуговицах?

– Разве мы сейчас не смотрим на один и тот же шкаф? – резонно ответила я вопросом на вопрос. Я принялась рыться в ящиках, которые заслуженно окрестила «скучная одежда»,

пока не нашла джинсовую рубашку на пуговицах. – Можно, я по крайней мере надену с ней красные штаны? Я не могу надеть деним с денимом. Это преступление против моды.

– Конечно. Как тебе угодно. Скорее всего, твои штаны все равно не попадут в кадр, – согласилась мама. – Иди сюда, давай займемся твоими волосами.

Я сидела на краю кровати, пока она колдовала над моими волосами. Она всегда проявляла невероятное терпение, когда дело доходило до моего макияжа или прически, как будто это был шанс отойти от стресса и на секунду перевести дыхание. Ее пальцы ловко колдовали над моими волосами, создавая из растрепанной копны светлых кудряшек французскую косичку.

– Ты нервничаешь? – спросила я.

Она помолчала несколько мгновений, пропуская мои волосы между пальцев.

– Не так сильно, как я себе представляла. Я больше всего боюсь, что съемка выйдет в эфир.

– Ты всем очень понравилась на этом шоу, – ободрила я маму, – тебе не о чем волноваться.

Она положила руки мне на плечи, склонившись так, чтобы посмотреть мне в лицо, и быстро поцеловала меня в щеку.

– Ты правда так думаешь, солнышко?

– Конечно, – сказала я, – и я сожалею о своем прежнем поведении в том, что касается этого шоу. Я знаю, как много оно для тебя значило. Значит.

– Спасибо, милая девочка, – растрогалась мама. Она растерла мои плечи ладонями и объявила, что моя французская косичка – само совершенство. Я посмотрела на телефон, на котором мигало пятнадцатиминутное предупреждение, настроенное на время появления съемочной группы. Мама вихрем сбежала вниз, и стало слышно, как она заканчивает последние приготовления.

Я решила, что сейчас самое подходящее время для того, чтобы послать короткое сообщение Эшли и предупредить, что в течение нескольких часов, пока в доме идет съемка, наша семья будет вне доступности.

Я: Готовлюсь к встрече демонов у нас дома.

Эшли: Как там мама?

Я: Немного нервничает. Пытаюсь ее успокаивать.

Эшли: Попробуй держаться в положительном ключе, хорошо? Ради мамы.

Я: Я веду себя образцово. Клянусь на мизинчике.

Эшли: Хорошо. Люблю тебя. Горжусь тобой. Позвони мне, как все кончится.

Я: Само собой. Люблю тебя, сестренка.

Эшли: И я тебя. <3

Раздался звонок в дверь, и Фиеро оглушительно залаял из соседней комнаты. Было решено, что его снимут в нескольких сценах, но большую часть съемок он должен будет провести в комнате Эшли. Если бы только я могла поменяться с ним местами на этот день! Уверена, Америке больше при-

шла бы по вкусу во время интервью его мохнатая мордочка, чем мое лицо.

Я посмотрелась в трюмо, которое у меня появилось в пятилетнем возрасте. Пределом моих мечтаний в том году была спальня принцессы с кроватью под балдахином, трюмо и люстрой, свисающей с потолка. Балдахин в результате оказался опасной штукой, ибо я запутывалась в нем во сне, а люстра рухнула вниз во время одного из эпических боев подушками, когда у меня на ночь оставались подружки, но трюмо выжило без потерь. Это была странная реликвия из моего прошлого, которая по какой-то причине не вызывала у меня никаких отрицательных эмоций. Идеальная затейливая французская косичка и макияж сделали мое собственное отражение в зеркале совершенно незнакомым. Эта фальшивка, которой я собиралась на время стать, кто-то, кто будет улыбаться и поздравлять мою маму с ее успехом на шоу, которое принесло ей столько вреда, была мне не по душе.

– Саванна! – прокричала мама снизу. Это означало, что пришла моя очередь, и неважно, нравится мне это или нет. Пока я спускалась вниз, трое мужчин со съемочным оборудованием начали продвигаться внутрь и устанавливать светотехнику перед диваном в гостиной. Женщина с телегарнитурой давала им указания, в какой части дома что устанавливать. Еще несколько человек пристроились у входа в дом, ожидая указаний от женщины, которая, очевидно, руководила процессом.

– Ким! Очень здорово снова видеть тебя, дорогая, – сказала женщина, обмениваясь с мамой поцелуями в щечку, как будто она была английская светская львица. Сложно заставить людей поверить в твою крутость, когда ты одета в шорты и сандалии биркенсток.

– Арден, – протянула в ответ мама, отстраняясь. Я знала, что ей стоило изрядных усилий не пытаться вытереть щеки. У мамы был пунктик по поводу бактерий. – Я тоже так рада тебя видеть! Хотите что-нибудь?

– Только твою чудесную улыбку! – ответила Арден. Она велела еще нескольким своим помощникам, которые крутились вокруг, пойти в гостиную и ждать там с операторами. Наконец она заметила меня, и ее оценивающий взгляд заскользил по мне вверх-вниз. Я внезапно почувствовала себя почти обнаженной, несмотря на то что была полностью одета.

– А это, должно быть, одна из твоих милых дочерей, – улыбнулась Арден.

– Это моя младшенькая, Саванна, – ответила мама, положив руку мне на лопатки.

– Я так много слышала о тебе и твоей сестре, – проворковала Арден, обхватив мои пальцы в крепком рукопожатии. – Итак, мой план – начать с интервью, а затем сделать тематические кадры. Давайте начнем с Ким. Это напомнит тебе о съемках во время шоу. А затем мы пригласим Саванну.

Она стопроцентно заметила, как я вздрогнула при упоми-

нении об интервью, так же как и написанный у меня на лице страх.

– Не волнуйся, дорогая, это не займет много времени. Максимум десять минут, я обещаю.

Даже упоминание о десяти минутах звучало немного похоже на пытку. Несмотря на это я приклеила себе на лицо самую мою лучшую фальшивую улыбку в надежде, что она «протянет» весь день.

Я села на двухместный диванчик наискосок от большого дивана – официальная «позиция готовности», как назвала его Арден. Они интервьюировали маму уже десять минут и приступили к подробным бытовым вопросам.

– Итак, Ким, расскажите всем, как шоу изменило вашу жизнь дома, – подсказала Арден.

– Я чувствую, что у меня своя голова на плечах. Я настроена решительно и сосредоточена на выполнении своих еженедельных целей, а также на сохранении всего, чему я научилась на «Сбрось вес». Я развесила по всему дому мотивирующие тезисы для себя и моих девочек.

– А как дочери отнеслись к вашему участию в шоу? – спросила Арден.

В ожидании маминого ответа у меня начали потеть ладони. Улыбка, которую мама так успешно поддерживала, была готова вот-вот дрогнуть, но тут же засияла еще ярче.

– Мои девочки очень меня поддерживали и вместе со мной вносили изменения и в свой образ жизни тоже. Для ме-

ня так важно, что мы вносим в нашу жизнь изменения, которые в долгосрочном плане сделают нас более здоровыми, и дочери, похоже, начали разделять эти взгляды, – сказала она.

Ложь легко лилась из ее уст и звучала так, как будто она хорошенько отрепетировала каждую фразу перед зеркалом. Что, по их предположению, я должна была сказать после этого? Что ее призывы к похудению, развешанные по всему дому, оказались полезны для всех? Что ее двусмысленные комментарии по поводу моего веса вдохновляли меня заняться собой? Эти методы лишь заставляли меня чувствовать себя еще хуже и убивали всякую мотивацию.

– Хорошо, Ким. Можете повторить эту фразу еще раз и улыбнуться пошире в начале? – попросила Арден.

Мама повторила уже сказанное, но на этот раз с еще бóльшим энтузиазмом. Звучало искренне. Звучало так, как будто мы были семьей, которая сплотилась вокруг ее чрезвычайной потери веса, и хотели последовать по ее стопам. Это было красиво – эта картина, которую она описала, – и на какое-то мгновение мне захотелось, чтобы это было правдой.

– Отлично. Хорошо. Саванна? Твоя очередь, дорогая, – предупредила Арден.

Мама подошла ко мне от дивана и коротко сжала мое плечо, пока мы менялись местами. Я не была уверена, было ли это знаком ободрения или предостережением, чтобы я не отклонялась от ее сценария. Внезапно подумалось, что от яркого освещения можно заработать ожоги. Я заправила в брю-

ки свою джинсовую рубашку и поймала себя на чувстве сожаления, что не надела вещь какого-нибудь другого цвета, который бы меня не так бледнил. Вот что происходит, когда я беру вещи из комода со скучными вещами.

– Хорошо, Саванна. Не могла бы ты нам рассказать, как твоя мама отнеслась к звонку из «Сбрось вес» о том, что мы приглашаем ее участвовать в шоу? Ты помнишь этот день? – спросила Арден.

Я чувствовала, как мамин взгляд впивается в меня. Из-за этого ее взгляда и яркого света ламп в глазах у меня все стало расплываться. Паника начала собираться на дне желудка и посылать молнии по венам, заставив меня вдруг почувствовать, какое количество людей уставилось на меня в этот момент. Я глубоко вдохнула через нос и выдохнула через рот, пытаюсь справиться с волнением, но это слабо помогало.

– Хочешь воды, дорогая? – спросила Арден.

– Я принесу стакан, – предложил один из операторов и проскользнул на кухню.

– Клянусь, мы постараемся закончить как можно быстрее. Хорошо, дорогая? – спросила Арден.

Я кивнула головой, испытывая смущение от внезапного сочувствия целой команды незнакомцев. Оператор подал мне стакан воды, я с благодарностью приняла его и, осушив половину, поставила на кофейный столик перед собой.

– Лучше? Хорошо. Давай начнем снова, – сказала Арден. – Расскажи нам про тот день, когда ты узнала, что твоя

мама будет участвовать в шоу «Сбрось вес».

– Мм, да. Тот день, когда ей позвонили. Это был День матери, полагаю. Когда раздался телефонный звонок, мы все ели ужин, который приготовила Эшли. Мама уронила телефон, когда вы, ребята, сказали, кто это. Закончив разговаривать с вами, мама пошла наверх и начала собирать свои вещи для телепроб. А мы стали собирать наши вещи, чтобы поехать к отцу на выходные, – сказала я.

Арден хмуро взглянула на меня, затем подала знак оператору перестать снимать. Свет немного приглушили, и я почувствовала, что снова могу дышать.

– Дорогая, можно сделать это немного поживее? Нам не нужен пошаговый отчет. Что вы все чувствовали в этот момент? Каковы были эмоции вашей мамы? – спросила Арден.

Я кивнула, и она подала знак снова начать снимать.

– Мама очень разволновалась, настолько, что принялась собирать вещи почти сразу после того, как повесила трубку. Было очень приятно снова увидеть ее взволнованной хоть по какому-то поводу. Это давно не происходило, – сказала я.

– А почему? – задала наводящий вопрос Арден.

Я посмотрела на маму. В какой степени я должна была делиться личным? Надо ли было упомянуть, что отец изменил ей с лучшей подругой? Что развод стал громким скандалом, в котором никто не стеснялся в выражениях?

– Я имела в виду, что после развода она была сама не своя, – сказала я.

Арден кивнула.

– Каково это было – видеть ее по телевизору?

– Это было невероятно. Как будто я увидела другого человека. Мама вела себя совершенно иначе, чем всю мою жизнь. На самом деле наблюдать это было очень странно. Я много думала о том, какой она будет, когда вернется. Будет ли она все той же моей мамой.

– И как? – поторопила Арден.

– И да и нет, – ответила я. – Она точно стала счастливее, но это уже не тот человек, который уехал на шоу в прошлом году.

Арден посмотрела на операторов и повторила то же самое движение, что и до этого. Она подошла и села рядом со мной на диван, положив свою руку за моей спиной так близко, что я почувствовала неудобство.

– Я правильно тебя понимаю? Ты имеешь в виду, что твоя мама изменилась к лучшему благодаря шоу, так? Хочешь попробовать повторить этот отрывок еще раз этими словами? Мы пытаемся создать позитивный настрой, дорогая, а ты немного понижаешь настроение, – пояснила Арден.

– Извините, – сказала я, чувствуя, что краснею. Не было сил посмотреть в мамину сторону. У нее на глазах оживал ее кошмар – что я не смогу сказать ничего положительного, как она просила. Самое ужасное заключалось в том, что мне-то как раз казалось, будто я справляюсь.

– Ничего. Просто давай попробуем снова, – сказала Ар-

ден, поднимаясь с дивана. Свет снова включили на полную мощность, и я зажмурилась.

– Мама вернулась с шоу совершенно другим человеком. Изменившимся в лучшую сторону. Я горжусь всей той тяжелой работой, которую она проделала в этом шоу.

– Это уже больше похоже на правду, – сказала Арден. – Теперь, Саванна, расскажи, как изменилась твоя жизнь с тех пор, как мама участвовала в шоу.

– Нас теперь узнают люди в магазине, – сказала я, вызвав смехи у членов съемочной группы, – а в остальном моя жизнь особо не изменилась.

– Вдохновила ли тебя твоя мама вести более здоровый образ жизни?

– Вдохновила? Я бы сказала, что принудила – более подходящее слово. Подождите, дайте перефразирую. Она делает сознательные попытки готовить здоровые блюда для меня и моей сестры. Это перемена в образе жизни, к которой нам пришлось приспособиться. И к лучшему! – торопливо добавила я.

– А где сейчас твоя сестра? – спросила Арден.

– О, она уехала, чтобы стать прилежной студенткой колледжа. Хотела бы я быть вместе с ней, учеба в колледже меня очень сильно привлекает. Уверена, что сестра отлично проводит время, узнавая много интересного от всех новых людей, которых сейчас там встречает. Маленький городок в Индиане, где все и всё про тебя знают, несколько ограничивает

возможности.

– Хорошо, Саванна, я думаю, на этом мои вопросы к тебе закончились. Видишь? Как я и обещала – быстро и безболезненно.

У меня вырвался вздох облегчения – первый раз за все утро. Операторы начали переустанавливать камеры для съемки под другим углом, а я упала на диван рядом с мамой и улыбнулась ей, радуясь, что самое тяжелое наконец позади. Мама сидела, скрестив руки и ноги, и смотрела прямо перед собой, не поворачиваясь ко мне.

– Мам, – прошептала я.

– Мы поговорим об этом позже, Саванна. Я не могу сейчас на тебя даже смотреть, – ответила она.

От страха у меня свело желудок. Мне казалось, что я неплохо справилась с интервью, и было непонятно, почему она так враждебно настроена по отношению ко мне. Арден сделала все, чтобы получить хорошие позитивные кадры, которые ей требовались.

После отъезда съемочной группы мама с парочкой своих подруг с работы отправилась отпраздновать событие, а я осталась дома присматривать за Фиеро. Первое, что я сделала, когда все ушли, – это понеслась в комнату Эшли, чтобы выпустить пса из его долгого заточения. Он почти опрокинул меня, кинувшись обниматься, и я зарылась лицом в его шерсть, потому что он пытался меня облизать, а это совсем не вызывало у меня восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.